[45] Ксерокопии писем П. Наторпа и "Завещания" Марты Коген любезно предоставлены руководителем архива Г. Когена профессором Г. Хольцхеем (университет г. Цюрих).

[46] *Wiedebach H.* Die Hermann-Cohen-Bibliothek // Cohen H. Werke. Bd. 2: Supplementa. Zürich, 2000. S. 1.

"ШЕСТОВ И БАТАЙ": СОГЛАСИЕ НА ФИЛОСОФИЮ ТРАГЕДИИ

Камила Морандо

Да кто же, наконец, такие все эти Достоевские и Ницше, которые говорят как власть имущие? Чему они нас научат?.. Но они ничему нас не "учат". Нет большего заблуждения, чем распространенное в русской публике мнение, что писатель существует для читателя. Наоборот – читатель существует для писателя. Достоевский и Ницше говорят не затем, чтоб распространить среди людей свои убеждения и просветить ближних. Они сами ищут света; они не верят себе, что то, что им кажется светом, есть точно свет, а не обманчивый блуждающий огонек или, хуже того, – галлюцинация их распространенного воображения. Они зовут к себе читателя как свидетеля, они от него хотят получить право думать по-своему, надеяться, право существовать. Идеализм и теория познания прямо возвещают им: вы безумцы, вы безнравственные, осужденные, погибшие люди. И они апеллируют к последней инстанции в надежде, что этот ужасный приговор будет отменен... Может быть, большинство читателей не хочет этого знать, но сочинения Достоевского и Ницше содержат не ответ, а вопрос. Вопрос: имеют ли надежды те люди, которые отвергнуты наукой и моралью, то есть возможна ли философия трагедии?[1]

Жоржа Батая и Льва Шестова связывают размышления о трагедии и философии, которые, по определению Шестова, "начинаются только тогда, когда человек теряет все критерии истины, когда он чувствует, что не может обладать ни одним из ее критериев, и даже не нуждается в них"[2].

О связи между Батаем и Шестовым впервые заговорил Мишель Сюриа в своем замечательном эссе *Жорж Батай, смерть в творчестве*, опубликованном в Париже в 1988 г., а затем в статье *В конце концов, произвол. От "философии" Льва Шестова к "фи-*

[1] *Лев Шестов.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Избр. соч. М., 1993. С. 171–172.

[2] *Chestov L.* La philosophie de la tragedie: Dostojevsky et Neitzsche. P., 1966. P. 6.

лософии Жоржа Батая", зачитанной на коллоквиуме, посвященном Батаю, в Орлеане в 1993 г.[3]

С 1923 по 1925 гг. Шестов и Батай встречаются, беседуют о философии и литературе. Это происходит незадолго до знакомства Шестова с Бенжаменом Фонданом.

Имена Льва Шестова и Жоржа Батая связаны с момента публикации в 1925 г. в Париже французского перевода работы Шестова *Добро в учении графа Толстого и Ницше*, выполненного годом раньше, в 1924 г., Батаем совместно с дочерью Шестова Раго-Шестовой. Кроме того, русский философ помогает Батаю в чтении Ницше, а затем и Паскаля. Знакомство и общение этих личностей позволяют нам продолжить изучение "философской" манеры письма каждого из них и выявить существенную силу трагического, нашедшего выражение в их сочинениях.

Цитируя обоих мыслителей, мы предоставим им возможность свободно вести свой письменный диалог и постараемся указать на ту роль, которую сыграл Шестов в творчестве Батая.

* * *

Текст философской автобиографии, написанный Батаем в конце жизни, начинается словами: *"Еще со школьных лет я связал философию со смыслом моей жизни. Как это, конечно, и бывает в таком возрасте..."*[4].

На творчество Батая часто смотрят как на то, что плохо поддается оценке, ибо оно свидетельствует о воле человека, знаменующего соединение неопределенного и невозможного, знатока хартий и документов и блестящего нумизмата, пытливого исследователя философии, социологии и этнографии, соблазненного историей искусства и живописью, искателя тайных обществ, в которых жертвоприношение дает возможность переописать себя в мифологии. Глаз и суверенитет, смерть и смех, жертвоприношение и эротизм формируют словарь и отражают суть мысли этого человека, первым начавшего реабилитировать творчество Ницше в 1936 г., яростно противясь фашистской трактовке его текстов. Он был одним из тех, кто не последовал "моде" и не примкнул ни к одному идейному течению своего времени, будь то сюрреализм Бретона или французская коммунистическая партия.

Выросший в мире болезненных одержимостей, где помешательство граничит с раскрытием истины смерти, Жорж Батай

---

[3] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'œuvre. P., 1988 et 1992; *Idem.* L'arbitrare après tout. De la "philosophie" de Leon Chestov à la "philosophie de Georges Bataille" // Georges Bataille après tout. P., 1995. P. 213–231.

[4] *Bataille G.* Texte de l'autobiographie philosophique//Oeuv Compl. T. 8. P., 1976. P. 562. (Далее: O.C.).

предстает обезумевшим и потрясенным свидетелем мрачного детства: образы его слепого отца-сифилитика, "святого" и "безумного", матери, отчаявшейся, погруженной в тоску и меланхолию, занимают значительное место в его литературном творчестве. В автобиографии Батай рассказывает, что, будучи комиссован по состоянию здоровья в 1917 г., он записался в семинарию и провел там один учебный год – с 1917 по 1918. Его обращение в католицизм произошло в 1914 г. в Реймсе. Как бы то ни было, в письмах, опубликованных в 1997 г., адресованных некоему Жану-Габриэлю, он говорит, что не решался "*немедленно удалиться от мира*" и стать семинаристом, так как "*не находил в себе призвания к этому*"[5]. Батай пришел к вере, узнав об объявлении войны в 1914 г., и покинул своего "нерелигиозного" отца[6].

Первая опубликованная под его именем книга *Собор Реймской Богоматери*, датируемая, как правило, 1918 г., представляет собой благочестивый рассказ, свидетельство "набожного" периода жизни писателя[7]. Эта публикация полностью маргинальна по отношению ко всему остальному творчеству Батая. Автор не упоминал о ней, ее обнаружили лишь после его смерти. Дени Олье рассматривает молчание Батая по поводу этого текста как "*разрыв, посредством которого осуществляется манера письма Батая*". "*Батай станет писать лишь для того, чтобы разрушить этот собор; чтобы заставить его умолкнуть, он будет писать против этого текста. Но не в фетишистской фиксации (словно на неком первородном грехе) и не только против этого текста, этих шести страниц, которые ретроспективно могли бы показаться не соответствующими всему остальному; он будет писать против принуждающей его глухой идеологической необходимости, против храма куда более тайного и обширного, в котором он виден насквозь и который мешал ему писать этот текст. Это привело к тому, что писать он смог только после него и против него, против подавляющей архитектуры созидательных ценностей*"[8].

---

[5] *Bataille G.* Choix de lettres 1917–1962 / Éd. établ. et présent. par Michel Surya. P., 1997. P. 13, 19; Из этих писем видно, сколь сильно колебался Батай прежде чем выбрал религиозную стезю. Однако в них отрицается факт поступления в семинарию Сен-Флу, о котором рассказывает Батай. Жана-Габриэля идентифицировать не удалось.

[6] Отец Жоржа Батая, Жозеф-Аристид Батай, умер в одиночестве 6 ноября 1915 г., в Реймсе, покинутым Жоржем и его матерью при эвакуации, последовавшей за бомбардировками в сентябре 1914 г. И хотя воспоминания Батая об отце окрашены отчаянием и ужасом, в его душе глубоко замечатлелось это событие.

[7] *Bataille G.* Notre Dame de Rheims, Saint-Flour, 1918; *Idem.* O. C. T. 1. P., 1970. P. 611–616. Эта книга упоминается в некрологе, составленном в 1964 г. сокурсником Батая по Школе хартий Андре Массоном (однофамильцем художника), ставшим главным смотрителем библиотек.

[8] *Hollier D.* La prise de la Concorde, suivi des Les dimanches de la vie, Essais sur Georges Bataille. P., 1974. P. 32.

В 1918 г. юноша все еще колеблется в выборе между светской и религиозной жизнью. Разрыв с католицизмом произойдет позже, как раз в период общения с Шестовым. В 1922 г. в Национальной школе хартий Батай защищает диплом на тему "Рыцарский орден. Сказание в стихах XIII в.", который министр образования охарактеризует как "философский и исторический одновременно".

Работы Батая поразительны и разнообразны: подпольные "эротические" книги, опубликованные под псевдонимами[9], эссе о доисторической живописи – *Ласко, или Рождение искусства* и *Мане*, "философские" произведения, такие как *Виновный, Внутренний опыт, Отверженная доля, Литература и зло* и *Эротизм*[10]. До второй мировой войны он издает журналы *Документы* и *Ацефал*, сотрудничает с журналом *Социальная критика*, первым левым печатным органом, критикующим сталинизм и постепенно возрождающим авторитет Ленина и Троцкого. Кроме того, он организует революционные "кружки" (в 1935 г. – Контр-Атак, а в 1937 г. – Коллеж социологии), для которых политическая необходимость и ангажированность остаются оружием свободы и средством соединения людей и сакрального, влюбленных и мифов.

В основе его рефлексии лежит попытка определить понятия экономии и траты, которые впервые начал разрабатывать Марсель Мосс, охарактеризовав их как обмен и дар[11]. Батай дополняет это исследование теорией притяжения и отталкивания, позволяющей "расшифровать" жертвоприношения, культы и ритуалы различных древних и современных обществ. Философское письмо Батая – это крайняя форма трансгрессии, основанная на неограниченном и противоречивом опыте исступления, наслаждения и страдания, переживанию которого этот человек посвящает свою жизнь и творчество, дабы, терзаясь и принося себя в жертву, испытать все. 19 марта 1938 г., на заседании Коллежа социологии, он описывает и анализирует "экзистенциальную" форму общества, связывая ее с понятием "тотальности", которая дает обществу "*реальность, суще-*

---

[9] Как, например, *История глаза*, вышедшая под псевдонимом Лорд Ош в Париже в 1928 г. без указания имени издателя (Рене Бонель); *Мадам Эдварда*, вышедшая под псевдонимом Пьер Анжелик в Париже в издательстве Робера Шатте "Солитер" в 1941 г.; *Крошка*, опубликованная под псевдонимом Людовик Тридцатый в Париже без имени издателя (Робер Шатте) в 1943 г. Под именем Батая эти книги выйдут в свет только после смерти писателя.

[10] Эти эссе Батая опубликованы под его именем: *Отверженная доля* – в 1949, *Внутренний опыт* – в 1954, *Ласко, или Рождение искусства* и *Мане* – в 1955, *Литература и зло* и *Эротизм* – в 1957, *Виновный* – в 1961 г. Полное собрание сочинений Батая издавалось парижским издательством Галлимар (Gallimard) в 12 томах, с 1970 по 1988 г.

[11] Марсель Мосс (1873–1950), в частности, написал эссе, которое оказало серьезное влияние на Батая; речь идет о работе *Очерк о даре. Форма и смысл обмена в архаических обществах (1932–1934 гг.)*.

ствующую для себя самой, реальность, в которой есть простой и чистый поиск экзистенции, простая и чистая воля быть независимым от любой частной цели"[12].

Философские работы Жоржа Батая, даже если сам он отказывается признать это, составляют неотъемлемую часть его творчества. На протяжении всей жизни он – страстный читатель, "дешифровщик" философских рукописей, питающих его собственные тексты. В биографической справке, написанной Батаем в конце жизни, можно выделить несколько красноречивых высказываний, свидетельствующих о несомненной его потребности в философии: "*Начиная с 1914 года уже нет сомнения, что его дело в этом мире – писать, в частности – разрабатывать парадоксальную философию... Философия, к примеру, для Батая сводится к акробатике в худшем смысле слова. Речь идет не о достижении цели, а об избегании тех ловушек, которые являют собой эти цели. Не уклоняться от целей, выпадающих на долю всех людей, а сохранять за собой частичный суверенитет, нечто частично к ним несводимое – такова установка, вытекающая из религиозного опыта. Но освобожденный от поиска средств религиозный опыт, он-то – ничто, коли сам не является целью! У Батая, со своей стороны, есть труд, а он есть усилие, предпринимаемое ради уклонения, усилие высвобождения в смысле безусловной свободы*"[13].

Ницше, Сад, Гегель и Гераклит – ярчайшее созвездие, освещающее тексты Жоржа Батая; он цитирует их, трактует, непрерывно дискутирует и устанавливает с ними на удивление "человеческие" отношения.

Не так заметно "русское" влияние, которое Батай испытал, во-первых, читая русских писателей и философов, а во-вторых, общаясь с русскими интеллигентами, преподававшими в Париже или искавшими единомышленников в своей идеологической борьбе. Так в жизни Батая появился и Лев Шестов, открывший для него философию и литературу.

* * *

Когда Шестов в 1923 г. встретил Жоржа Батая, последний опубликовал лишь небольшую книжку – *Собор Реймской Богоматери*. К тому времени Батай только что закончил чтение *По ту сторону добра и зла* Ницше и приступил к Фрейду. В качестве "посредника" и "*историка философии*", по выражению Бенжамена Фондана, Лев Шестов советует Батаю прочесть не только Достоевского, но и

---

[12] *Bataille G.* Confréries, ordres, sociétés secrètes, églises. Conférence du samedi 19 mairs 1938 // Hollier D. Le Collège de Sociologie. P., 1995. P. 241.

[13] *Bataille G.* Notice biotraphique // O.C. T. 8. P., 1976. P. 459, 462.

работы Ницше, Платона, Паскаля и Толстого, чтобы, как пишет Фондан, понять "*глубочайшую мысль, состоявшую в том, что философия есть приуготовление к смерти*"[14].

Среди книг, которые брал Батай в Национальной Парижской библиотеке, можно найти и других русских авторов, часть из которых, конечно же, была рекомендована Шестовым: в 1924 г. – *Вечный муж* Достоевского, *Евгений Онегин* Пушкина, *Откровения смерти* Шестова; в 1925 г. – *Бесы* Достоевского, *Ревизор* Гоголя, полный французско-русский словарь, *Преступление и наказание* Достоевского, *Записки из подполья* Достоевского, *Детская болезнь левизны в коммунизме* Ленина, *Пролетарская революция и ренегат Каутский* Ленина же; в 1930 г. – *Маркс и Энгельс* Рязанова, *К социализму или капитализму?* Троцкого, *Основные вопросы марксизма* Плеханова; в 1931 г. – *Записки революционера* Кропоткина; в 1932–1933 гг. – *Сочинения* Бакунина; *Теория исторического материализма* Бухарина; в 1935 г. – *История русской революции* Троцкого; и в 1937 г. – *Взаимная помощь как фактор Эволюции* Кропоткина.

Большое впечатление произвели на Батая произведения Достоевского, особенно *Записки из подполья*, работы Льва Троцкого и Георгия Плеханова, сама жизнь и творчество которого олицетворяют исторический переход русской философии от популизма к марксизму[15]. Работы Шестова, полученные от автора, также вызвали живой интерес Батая.

Скорее всего Батай познакомился с Шестовым в Школе восточных языков, куда записался для изучения русского и китайского, впрочем китайский довольно быстро забросил. До 1925 г. Батай и Шестов время от времени встречались в доме последнего, на улице Саразат и проводили вечера в совместном чтении и рассуждениях. Философия Шестова в то время была пропитана трагичностью. В предисловии к своей книге *Достоевский и Ницше*, он задавался вопросом, что есть философия трагедии: "*Означает ли это философию безнадежности, отчаяния, безумия, даже смерти?*"[16].

В *Тексте философской автобиографии* Батай сообщает: «*Философствование Льва Шестова исходило от Достоевского и Ницше, и это прельщало меня. Я быстро почувствовал, что свойственное мне неистовство непреодолимо разделяет нас. Но я уважал его; он негодовал по поводу моего нескрываемого отвращения к*

---

[14] *Fondane B.* Sur les rives de l'Ilissus. Après de la mort de Léon Chestov // Rencontres avec Leon Chestov. P., 1982. P. 13. Текст подготовлен и прокомментирован Наталией Барановой и Мишелем Карассу (Nathalie Baranoff et Michel Carassou), введение Мишеля Карассу.

[15] Плеханов (1856–1918) провел часть жизни в Петрограде; как и Кропоткин, он осуждал государственный переворот 25 октября 1917 г., приведший Ленина к власти.

[16] *Лев Шестов.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии). С. 161.

философским штудиям, а я, когда Шестов глубокомысленно направлял меня в чтении Платона[17]*, покорно слушал его. Именно ему я обязан основными философскими познаниями... Вскоре после этого, я, как и все мое поколение, стал тяготеть к марксизму. Шестов был эмигрантом из социалистической страны, и я отдалился от него, оставаясь глубоко благодарным этому человеку... Впоследствии лень и некоторая крайность поступков часто будут сбивать меня с верного пути, но я и по сей день потрясен тем, что понял, слушая его: неистовство человеческой мысли есть ничто, пока оно не доведет эту мысль до завершения. Мысль Льва Шестова удаляла меня от безудержного стремления к концу, которое впервые смутно дало знать о себе уже в Лондоне (в общении с философом Анри Бергсоном); нужно было как-то расстаться с Шестовым, но я был восхищен его терпением, проявленным ко мне, умеющем в ту пору объясняться лишь с каким-то "унылым" исступлением»*[18].

"Унылое исступление", о котором говорит Батай, может быть передано словами Шестова из предисловия к *Философии трагедии*: "*У нас остались живые, которые своим существованием смущали и продолжают нас смущать еще более, чем погребенные, согласно учению, мертвецы. У нас остались все не имеющие земных надежд, все отчаявшиеся, все обезумевшие от ужасов жизни. Что делать с ними? Кто возьмет на себя нечеловеческую обязанность зарыть в землю этих?*[19]

Не будучи учителем Батая, Лев Шестов все же сыграл "педагогическую" роль в его жизни. Прежде всего, их связывало чтение Ницше. Последнего Батай открыл для себя в 1922 г., и этот опыт чтения сыграл определяющую роль в формировании его мысли. «*Я впервые прочел Ницше (отрывки из "Так говорил Заратустра"), когда верил в Бога. Я был потрясен, но остался верен себе. Однако я сильно изменился, и в 1922 году, прочитав "По ту сторону добра и зла", почувствовал, что мог бы сказать это и сам*»[20].

---

[17] Мишель Сюриа отмечает, что пояснение может показаться странным, так как утверждается, что "*для Шестова, как потом и для Батая, Платон играл очень незначительную роль*" (*Surya M.* L'arbitraire après tout. De la "philosophie" de Léon Chestov à la "philosophie de Georges Bataille". P. 215). Благодаря чтению Платона возникла "идеальная триада": глаз, отец и солнце. Эта триада находит отклик в мысли и сочинениях Жоржа Батая. Однако зачарованность солнцем, вселяющим надежду и ослепляющим, светоносным и непристойным, обретает в творчестве Батая свое перевернутое выражение, так как с самого детства, испытывая мучительное отвращение к слепому отцу, он определил эту триаду как мертвый глаз, черное солнце и леденящее душу присутствие безумного и потерявшего человеческий облик отца.

[18] *Bataille G.* Texte de l'autobiographie philosophique // O.C. T. 8. P. 562–563.

[19] *Лев Шестов.* Достоевский и Ницше (Философия трагедии). С. 161.

[20] *Bataille G.* Albert Camus ou la défaire de Nietzsche // Notes de la Souveraineté, O.C. T. 8. P. 640 (рукопись, не включенного в издание предисловия).

В начале 20-х годов Батай не был достаточно хорошо знаком с творчеством Ницше. К тому же, как и большинство его современников, он "поэтизирует" и "идеализирует" Ницше. Шестов помогает Батаю осознать ницшеанскую генеалогию в контексте общей истории философии, объединяющей имена Паскаля, Плотина, Тертуллиана, Гераклита, Эпиктета. Более того, для Шестова, как отмечает Мишель Сюриа, "*мысль Ницше вновь овладевает тем, что стремилась отвергнуть: она возникла уже не из ничто (ex nihilo), хаоса, из отсутствия всяких связей и отношений*"[21].

Чтение работ Шестова позволяет Батаю проводить расколдовывающий анализ поэтического характера сочинений Ницше, каковые в юности облекались тем – как и Батаем, на период его обращения в католицизм в 1914 г. – в романтическую и идеалистическую форму.

* * *

По утверждению Мишеля Сюриа, в письме от 10 июля 1923 г. Батай сообщает Шестову о своем намерении написать специальную работу (статью? книгу?) о его творчестве. Возможно, Батай и написал ее, а затем уничтожил – нам об этом неизвестно; однако это позволяет сделать вывод, что он "*достаточно хорошо был знаком с творчеством Шестова, чтобы заявить самому автору о подобном намерении*", и что он "*высоко оценивает его, чтобы усматривать полезным такое исследование*"[22]. Батай знакомился с творчеством Шестова, читая его, конечно, по-немецки[23], ведь французские переводы в 1925 г. были редки[24]. Речь идет о первой книге, к которой Батай намеревался обратиться, однако от этого проекта не осталось ни малейшего следа – ни наброска, ни отрывка. Зато в 1925 г. вместе с дочерью Шестова, Татьяной Раго-Шестовой, он работает над переводом одной из ранних книг Шестова – *Добро в учении графа Толстого и Ницше (Философия и Проповедь)*, который будет опубликован в Париже в издательстве "Век". Именно эта парижская публикация впервые вышла под именем Батая[25]. Более того, Батай впер-

---

[21] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P., 1992. P. 79.

[22] *Surya M.* L'arbitraire après tout. De la "philosophie" de Léon Chestov à la "philosophie de Georges Bataile". P. 215.

[23] Батай хорошо владел иностранными языками: он отлично читал и писал на английском, испанском, немецком, итальянском. Без сомнения, он мог читать по-гречески и по-латыни.

[24] Первая книга Шестова, переведенная на французский, *Гефсиманская ночь (Философия Паскаля)*, появилась в 1923 г. в издательстве Грассе. Но большинство книг Шестова были вначале переведены на немецкий в Берлине. Так, *Власть ключей* (Берлин, 1923 г.) была переведена на французский только в 1927 г.

[25] Как уточняет Мишель Сюриа, Батай подписался под переводом, хотя его знание русского находилось на начальном уровне; его вклад состоял в том, чтобы "переложить" книгу на французский.

вые применяет в этом "переводе" манеру письма и мышления Ницше, которого Шестов умышленно сравнивает с Толстым, противопоставляя и передавая их мысль открыто тенденциозным тоном, характерным для того времени.

Во второй книге Шестов порывает с идеализмом своей первой работы *Шекспир и его критик Брандес* и противопоставляет философию Ницше учению Толстого. В начале своего эссе он цитирует знаменитое письмо Белинского[26] от 1941 г. к Боткину, в котором тот окончательно отвергает гегелевские концепции: "*Если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития – я и там бы попросил вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен за счет каждого из моих братьев по крови. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии*"[27].

Это письмо указывает на изучение антиидеализма, которым руководствовался Шестов и которое прельстило юного Батая. Книга Шестова заканчивается следующими словами: «*Добро* – братская любовь – *мы знаем теперь из опыта Ницше – не есть Бог. Горе тем любящим, у которых нет ничего выше сострадания*". *Ницше открыл путь. Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога*»[28].

В предисловии к своей книге "*О Ницше*", опубликованной в 1945 г., Жорж Батай заявляет о желании присоединиться к Ницше в этом поиске Бога: "*Предельное безусловное стремление человека было впервые выражено Ницше независимо от моральной цели и от служения Богу... Трудности, с которыми столкнулся Ницше, – отступаясь от Бога и отступаясь от добра, но все же горя тем же пламенем, что и готовые отдать свои жизни рада Бога или блага, – мне еще встретятся в свой черед*"[29].

---

[26] В.Г. Белинский (1811–1848), литературный критик, сформировавшийся под влиянием Шиллера и романтизма, вдохновленный текстами Пушкина, Гоголя и Лермонтова. Он оказал огромное влияние на русскую интеллектуальную жизнь. Не будучи "профессионалом", он все же обладает значительной философской культурой. Он интересуется скорее человеком, его местом в обществе и истории, социальной справедливостью, чем метафизикой или теорией познания. Испытав сильнейшее влияние Гегеля, Белинский порывает с понятиями немецкого философа и признает очевидность "объективного и ужасающего мира".

[27] Письмо Белинского цитируется Львом Шестовым в работе *Добро в учении графа Толстого и Ницше (Философия и Проповедь)*, в кн.: *Лев Шестов*. Избр. соч. С. 41.

[28] Там же. С. 156.

[29] *Bataille G.* Sur Nietzsche // O.C. T. 6. P., 1973. P. 12–13.

Книга *Ницше и Достоевский (Философия трагедии)* знакомит Батая с шестовской интерпретацией обоих мыслителей[30]. Автор особое внимание уделяет обращению Ницше и Достоевского, дабы выразить свое собственное восхищение обращениями такого рода и указать на разрыв с философской идеей преемственности традиций и культов. Так в глазах юного Батая, еще колеблющегося при мысли о поступлении в семинарию, Шестов становится "*учителем антиидеализма*". Если до конца 1924 г. Батай не определился относительно своей религиозной жизни, то именно в это время происходит его "новое обращение", или скорее настоящее "обращение" с целью отринуть Бога, сводя его на нет. Мишель Сюриа задается вопросом: "*Как же можно не представлять, что Шестов повлиял (но как?) на утрату Батаем истинной веры?*"[31].

Разумеется, речь идет об утрате католической веры, а не той религиозности, которая неустанно вдохновляла сочинения Батая. О нем также часто говорят как о "мистике", но цель его духовного поиска, конечно же, была иной, чем у Шестова. Как подчеркивает Пьер Клоссовски – единственный, кто почувствовал, насколько Батаю "*русские не давали покоя, в особенности Шестов*", – "*атеология "Ацефала" опирается на идею, что смерть Бога не завершается неким атеизмом и развалинами Голгофы, что смерть Бога не окончательна, что она продолжается*"[32].

Шестов, а за ним и Батай исследовали важнейшую тему в философии Ницше, а именно: каково место "религиозного" и священного в поиске человеческого одиночества и смерти или казни Бога. (Уточним, что Батай впервые встречает "*Шестова встревоженным, лихорадочно возбужденным, спорящим*"[33].) Как подчеркивает Мишель Сюриа, влияние шестовской интерпретации сочинений Ницше, в частности "паскализации Ницше", найдет свое проявление тридцатью годами позже, в *Суверенетете* Батая: "*Бог Авраама подчиняет людей заповеди, но ей не подчинено само божество. Способ видения Ницше ближе к действию благодати, противопоставленной трудам, но сами эти доктрины, по-видимому, всякий раз вытеснялись из-за мук, которые возлагались ими на простоту доброго человека. Так что в имморализме Ницше мы можем усмотреть то, что обычно не замечается, но чем он жил, а именно гиперхристианство*"[34].

Кроме того, Шестов советует Батаю перечитать Паскаля, которого считает символом отказа от рационализма, как материалисти-

---

[30] Эта книга вышла на французском языке в 1926 г. в Париже, в издательстве Шифрина.

[31] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P. 80.

[32] *Klossowski P.* La peintre et son demon. P., 1985. P. 177. При поддержке Жана-Мориса Моннуайе (Jean-Maurice Monnoyer).

[33] *Fondane B.* Rencontres avec Léon Chestov. P. 26.

[34] *Bataille G.* La souveraineté // O.C. T. 8. P., 1976. P. 671.

ческого и научного, так и спекулятивно-религиозного, воплощающим в себе антиидеалистическую мысль, которую Шестов сравнивает с бездной. В *Великих канунах*, к примеру, он пишет: "*Источник силы заключен в том, что считается источником слабости, – в головокружении. Нас манит бездна, нерешенное, а не желание избежать трудностей, разгадать тайну, словом... мы должны полюбить ужас*"[35]. В сочинении *Внутренний опыт*, работу над которым Батай начал в 1940 г., он изменяет этому самому восхищению бездной, выделяя некую высшую область священного внутри профанной жизни. Он пишет: "*Выпитое до дна христианство есть отсутствие спасения, отчаяние Бога. Оно ослабевает и испускает дух, когда добивается своих целей. Агония Бога в личности человека неизбежна. Это бездна, в которую его толкает головокружение. В агонии Бога есть лишь оправдание греха. Она не оправдывает не только небо (тусклый накал сердца), но и ад (ребячество, цветы, Афродита, смех)*"[36].

Шестов комментирует Паскаля и возвышает его, ставя в один ряд с Ницше. Батай оценивает силу воздействия текстов Паскаля – в то время как Шестов "паскализирует" Ницше и "ницшезирует" Паскаля[37] – и заключает: "*Паскаль воскрес через два столетия в лице Ницше*"[38].

После 1925 г. Батай, судя по всему, больше не встречался с Шестовым, который помог ему открыть для себя философию и который повлиял на его религиозный, философский и человеческий выбор. "*В 1938 и 1940 гг. смерть разорвала тонкие и слабые, но символически очень крепкие узы: со смертью Шестова в 1938 г. исчезла связь Батая с Ницше. А после смерти Мориса Эйна в мае 1940-го порвалась и другая, с Садом*", – пишет Мишель Сюриа[39].

* * *

Подле Шестова Батай открывает себя в философии, особенно в философии Ницше, в лоне его письма, воспринятого благодаря опыту перевода. Батай чувствует, что в глубине его души борятся философ и распутник. "Отойдя" от Шестова, он стал склоняться к марксизму, как и большинство его современников в конце 20-х годов.

Мысль Шестова и мысль Батая разнятся в конечных целях их антиидеализма: цели Шестова всю его жизнь оставались духовными, тогда как цели Батая были материалистического порядка, причем

---

[35] *Лев Шестов*. Великие Кануны.
[36] *Bataille G.* L'expériense intérieure // O.C. T. 5. P., 1973. P. 61.
[37] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P. 218–221.
[38] *Лев Шестов*. Гефсиманская ночь (Философия Паскаля).
[39] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P. 337.

"низкоматериалистического", как он это сам обрисовывает, дабы отличать их от исторического материализма[40].

На протяжении всей жизни Шестов разрабатывает свой анализ различения веры и знания, заключая в своей последней книге *Афины и Иерусалим*, что "*разум приводит к необходимости, а вера – к свободе*"[41]. Этот вдохновенный чтением Паскаля иррационализм был с легкостью усвоен Батаем. В итоге, *Мысли* Паскаля оказали наиболее сильное литературное влияние на Батая, особенно ощутимое в *Виновном* и во *Внутреннем опыте*, как "*бессознательная реминисценция Шестова*"[42]. Батаевский Ницше также глубоко пронизан Паскалем.

Мы завершаем наш обзор о творческом общении Шестова и Батая словами последнего, взятыми из его книги *О Ницше*, – словами, отсылающими к "философии трагедии" и отдающимися эхом тем шестовских, которые мы процитировали в начале:

"*Сегодня я нахожу уместным высказать свое смятение. Я пытался вытянуть из себя следствия одного учения, ясного и влекущего меня своим светом. Я обрел тревогу и почти постоянное чувство изнеможения. Но изнемогая, я все равно не оставлял того стремления, о котором сказал. Или скорее само стремление не отпускало меня: умри я, и тогда, мне кажется, я не смог бы. Я пожелал бы тем, кого люблю, претерпевать и изнемогать в свою очередь. Ведь человеку присущи безудержный порыв, жажда независимости, свобода бытия. Свобода, конечно, понимается по-разному, но разве сегодня кого-то удивить тем, что за нее умирают?*"[43].

Перевод О. Тимофеевой
Редакция О.В. Головой

---

[40] См.: *Surya M.* L'arbitraire après tout. De la "philosophie" de Léon Ghestov à la "philosophie de Georges Bataille". P. 226.
[41] *Лев Шестов.* Афины и Иерусалим.
[42] *Surya M.* Georges Bataille, la mort à l'oeuvre. P. 405.
[43] *Bataille G.* Sur Nitsche. P. 13.